

Ирина КОЛМАГОРОВА

«ПЕРЕКЛИЧКА ПАМЯТИ С СУДЬБОЮ...»

...И еще привычка
Говорить с тобою,
Спор да переключка
Памяти с судьбою.

Арсений Тарковский

Нашей последней совместной работой с Гиларием Валерьевичем Беляевым была концертная программа «Преображение», посвященная жизни и творчеству выдающегося поэта XX века Арсения Александровича Тарковского. Режиссером этой программы был Сергей Николаевич Куранов, а ее музыкальное оформление в исполнении камерного ансамбля «Симфониятта» осуществил Гиларий Валерьевич. Первое исполнение нашей программы состоялось 20 марта 2000 года в Мраморном зале Самарского художественного музея.

Лучшей «декорацией» нам и зрителям послужили портреты старых художников, на которых были запечатлены лица и глаза людей давно минувших эпох. Во время реализации нашей программы в музее возникло невероятное ощущение нашей причастности к прошедшим здесь столетиям и неразрывной духовной связи с ними.

Название программы пришло ко мне сразу, едва я обратилась к биографическому материалу об Арсении Тарковском. В младенчестве он был крещен в Преображенской церкви (25 июля 1907 года), а после его смерти — 27 мая 1989 года — перед тем, как предать тело поэта земле на Переделкинском кладбище, его отпевали в храме Преображения, и в этой закольцованности состоялось логическое завершение земного пути Тарковского.

Без любви жизнь человека не имеет никакого смысла. Любви — не только к женщине, но и к своей Родине, к родной земле. Эти святые понятия тоже женского рода. За эти святости и воевал Тарковский, уйдя на фронт добровольцем в качестве военного корреспондента. Был награжден боевым орденом Красной Звезды, получил тяжелое ранение с ампутацией левой ноги (1943 год), перенес несколько операций. И только в Москве в январе 1944 года профессору Вешневскому после очередной сложнейшей

Ирина Владимировна Колмагорова — актриса, выпускница Саратовского театрального училища им. И. А. Слонова (1975), мастер художественного слова, лауреат Всероссийского конкурса артистов-чтецов, два десятилетия проработавшая в филармониях Санкт-Петербурга, Самары и Кисловодска. Автор радиопрограмм «Экспресс» и цикла авторских программ «Музыка и поэзия отражений».

операции удалось остановить газовую гангрену. И после всего прожитого на фронте и всех мучений в госпиталях Тарковский написал:

Я снова пойду за Великие Луки,
Чтоб снова мне крестные муки принять...

Вернувшись «после неслыханной бойни» искалеченным, но живым, гвардии капитан Арсений Тарковский найдет в себе силы и мужество жить дальше с верой в свое предназначение поэта, хотя первый сборник его стихов — «Перед снегом» — выйдет в свет только в 1962 году, когда Тарковскому будет уже 55 лет. В предисловии к этой книге Анна Ахматова назовет его «драгоценным подарком читателям».

А несколько раньше — в 1946 году — его первая книга стихов, утвержденная и подготовленная к печати, была уничтожена и так и не явилась на свет. Это оказалось связано с постановлением ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», когда без всяких оснований чудовищно клеймили Ахматову и Зощенко. В стране, победившей фашизм, начались вдруг безумные процессы и репрессии, которые не могли не отразиться на душевном состоянии поэта-фронтовика Тарковского.

В мае 2005 года Наталия Ивановна Коршикова, с которой меня связывает многолетняя дружба, порекомендовала мои концертные программы директору туристического теплохода «Семен Буденный», и меня пригласили поехать с выступлениями по Волге. Восстановив несколько своих прежних концертных программ, в первом выступлении я объединила произведения двух любимых мною авторов: Константина Симонова и Арсения Тарковского. После окончания первого концерта ко мне подошел пожилой человек невысокого роста и представился: «Полковник в отставке Рэм Алексеевич Максимов» — и рассказал мне, что стихи и прозу Симонова он читал, а вот стихи Тарковского услышал впервые, и они его потрясли. Бывший солдат, в дальнейшем кадровый офицер, не смог удержаться от слез, услышав слова: «Я снова пойду за Великие Луки...»

— Я ведь тоже принимал участие в боях за эти Великие Луки, — сказал он после завершения выступления. — После первого боя получил свою первую боевую награду. Мне было тогда восемнадцать, а бой был поистине крошечным адом. Сколько лет уже прошло... И сегодня стихами Тарковского вы напомнили мне те Великие Луки...»

А сборник стихов Арсения Тарковского «Волшебные горы» мне подарила в ноябре 2000 года дочь поэта Марина Арсеньевна Тарковская, автор книги «Осколки зеркала», оставившая на его книге такую строчку: «Дорогой Ире с благодарностью за ее исполнение стихов папы. Марина Тарковская, Москва, Музей кино 29.XI.2000 г.».

Жаль, что книга «Осколки зеркала» была издана значительно позже выхода нашей программы «Преображение» и я не имела возможности воспользоваться интересным материалом Марины Арсеньевны — неизвестными мне ранее фактами из жизни поэта, открытием адресатов его лирики, подробностями биографии.

Стихи Арсения Тарковского о любви меньше всего можно назвать его лирикой, столько в них глубоких и мучительных переживаний, горьких воспоминаний и предчувствий, а по прошествии многих лет осознания того, что многое в жизни происходит волею судьбы и не в нашей власти изменить ход жизненных событий. «Когда судьба по следу шла за нами, / как сумасшедший с бритвою в руке», — напишет он позднее.

Долгие годы героиня стихотворения «Первые свидания» оставалась неизвестной как для читателей, так и для его друзей, родных и ближнего окружения поэта. В филь-

ме «Зеркало» сын поэта Андрей Тарковский адресовал «Первые свидания» своей матери, первой жене Арсения Тарковского Марии Ивановне Вишняковой. По словам кинорежиссера Вячеслава Амироханяна (автора фильмов об Арсении Тарковском «Посредине мира» и «Малютка-жизнь»), поэт сообщил ему, что «первые свидания» посвящены М. Г. Ф., назвав лишь инициалы. И только дочери поэта, писательнице Марине Арсеньевне Тарковской после смерти своего отца удалось открыть имя этой женщины — Мария Густавовна Фальц. Марина Арсеньевна посетила родной город своего отца Кировоград (бывший Елисаветград), где прошли детство и юность поэта. О своих поисках и открытиях она впоследствии рассказала в своей замечательной книге «Осколки зеркала».

Многие главы этой книги, особенно запавшие мне в душу, я читала и перечитывала неоднократно. В Кировограде помнили Марию Густавовну Фальц. Она была старше Тарковского и его друзей. Ровно три дня она была замужем за офицером по фамилии Колобов, который участвовал в войне 1914 года, а затем — в Гражданской на стороне белых. Мария Густавовна не знала, что с ним случилось. Не имея от него никаких вестей, она все-таки надеялась, что он не погиб, а уехал в эмиграцию.

Мария Фальц была хороша собой, умна, образованна, прекрасно играла на рояле. Она хорошо знала и любила поэзию. И при всем том ее отличали полная неприспособленность к жизни, незащищенность и непрактичность. У нее в доме собиралась молодежь, читали стихи свои и чужие, слушали ее игру на рояле (она любила Шопена); гости острили, валяли дурака, рисовали дружеские шаржи. И все были влюблены в хозяйку. Она — выбрала Тарковского.

В 1925 году Арсений переехал в Москву и поступил на Высшие литературные курсы. В декабре 1926 года во время зимних каникул он посетил Ленинград. В Ленинграде он увиделся с Марией Фальц, но эта встреча была нерадостной. Мария Густавовна предложила ему расстаться навсегда. 27 мая 1927 года Арсений напишет ей:

Погоди, погоди!
Ты ведь знаешь сама:
Это все не для нас —
Петербург и зима,
Та высокая молодость на островах
И ночные рассказы о крепких делах.
За метелью костры, за кострами Нева.
Ой, шальная, шальная моя голова,
Ой, широкие сани под шитым ковром,
Бубенцы и цыганские ночи вдвоем!

Только мне и осталась, что память одна,
Только черная память в стакане вина,
Да горючие песни о злобе моей,
Да веселые письма далеких друзей,
Даже сонная боль пережитого дня,
Даже имя твое покидает меня.

Мария Фальц умерла от скоротечной чахотки 5 августа 1932 года, о ее смерти Тарковскому сообщила ее сестра. В эпитафии к стихотворению «Стол накрыт на шестерых» прямой указатель. Тарковский упоминает город Славянск (в Донецкой Народной Республике), куда смертельно больная Мария Фальц уехала к своей сестре Еле-

не. Именно из Славянска Тарковский получил сообщение о смерти Марии, присланное ему от ее сестры в письме, написанном карандашом. Хранил он это письмо и, боясь, что карандаш сотрется, 8 февраля 1937 года переписал его своей рукой чернилами. А в 1940 году он напишет стихотворение, словно мистическое послание или эпитафия, вызывающие в памяти ушедшие образы дорогих ему людей: отца, брата и Марии Фальц.

Меловой да соляной
Твой Славянск родной.
Надоело быть одной —
Посиди со мной...

Стол накрыт на шестерых,
Розы да хрусталь,
А среди гостей моих
Горе да печаль.

И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит. Наконец —
У дверей стучат...

...Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:

— Каблучки мои в пыли,
Выцвела коса,
И поют из-под земли
Наши голоса.

На это стихотворение Тарковского откликнулась Марина Ивановна Цветаева, с каким-то горьким и даже отчаянным упреком предсказав в одном из последних своих стихотворений и свою скорую смерть 31 августа 1941 года в Елабуге. Но этому выкрику отчаяния, срыву, выплеску в стихотворении предшествовали записи Цветаевой в ее записной книжке «О себе»: «Меня все считают мужественной. Я же не знаю человека робче, чем я. Глаз черноты, шага, а больше всего — себя, своей головы, если эта голова так преданно мне служащая в тетради и так убивающая меня в жизни. Никто не видит, никто не знает, что я год уже (приблизительно) ищу глазами крюк...» (запись 5 сентября 1940 года).

27 августа предыдущего года была арестована дочь Марины Цветаевой — Ариадна Эфрон, Аля. А 10 октября — муж Марины — Сергей Яковлевич Эфрон. Вот с этого времени она и начала искать глазами крюк. Со времени этих двух разлучений. Сначала увели дочь — в тюрьму, в лагерь и в ссылку. Потом увели мужа — на казнь.

Марина Цветаева: «Я год примеряю смерть. Все уродливо и страшно. Проглотить мерзость, прыгнуть враждебность, исконная отвратительность воды. Я не хочу пугать (посмертно), мне кажется, что я себя уже посмертно — боюсь. Я не хочу умереть, я не хочу быть. Вздор. Пока я нужна... но, Господи, как я мала, как я ничего не могу. Доживать — дожевывать. Горькую полынь»:

Все повторяю первый стих
 И все переправляю слово:
 — «Я стол накрыл на шестерых...»
 Ты одного забыл — седьмого.
 Невесело вам вшестером.
 На лицах — дождевые струи...
 Как мог ты за таким столом
 Седьмого позабыть — седьмую...

Летом 1941 года Тарковский вместе с писателями Москвы проходил военную подготовку. 16 октября 1941 года он прибыл в Чистополь Татарской ССР, куда эвакуировался Союз писателей и куда позднее прибудет Борис Леонидович Пастернак. В октябре—ноябре Тарковский создавал цикл стихов «Чистопольская тетрадь». Каждая строчка этих стихов кричала о трагедии, случившейся с Мариной Цветаевой. 31 августа 1941 года Тарковский находится в Елабуге. Арсений Александрович писал многочисленные заявления с просьбой отправить его на фронт. И лишь в конце декабря он получил назначение в действующую армию...

...И вот теперь, когда я пишу, вспоминая стихи Тарковского и Цветаевой, Нестерова и нашу программу с Гиларием Валерьевичем, когда за окном ветер срывает с деревьев последнюю листву, а дождливый серый день погружает в настроение грешного уныния, с горькими мыслями о том, что все в этой жизни проходит и сама наша жизнь так быстротечна, в памяти моей опять оживают «высокие дантовские» стихи поэта Арсения Тарковского. «В последний месяц осени».

В этих стихах, мне кажется, особенно важен внезапный момент преображения в природе, и тут случилось чудо, влияющее на воображение потухшего духа «на склоне горчайшей жизни» поэта, способствующего рождению новых потрясающих поэтических образов и сравнений.

...И повели синицы хоровод,
 Как будто руки по клавиатуре
 Шли от земли до самых верхних нот.

Неожиданно для себя я вспомнила, как во время репетиции ради сокращения метража программы я предложила исключить это стихотворение, но Гиларий Валерьевич сразу же возразил: «Нет, Ира, сократи что-нибудь из прозы, а это стихотворение оставь. Оно полно глубокого философского смысла и к тому же дает нам ключ к открытию крышки рояля — к переходу на фортепьянную музыку».

Вот это несокращенное стихотворение Тарковского:

В последний месяц осени, на склоне
 Горчайшей жизни,
 Исполненный печали, я вошел
 В безлиственный и безымянный лес.
 Он был по край омыт молочно-белым
 Стеклом тумана. По седым ветвям
 Стекали слезы чистые, какими
 Одни деревья плачут накануне
 Всеобесцвечивающей зимы.

И тут случилось чудо: на закате
Забрезжила из тучи синева,
И яркий луч пробился, как в июне,
Как птичьей песни легкое копьё,
Из дней грядущих в прошлое мое.
И плакали деревья накануне
Благих трудов и праздничных щедрот
Счастливых бурь, клубящихся в лазури,
И повели синицы хоровод,
Как будто руки по клавиатуре
Шли от земли до самых верхних нот.

...И вот прошло уже двадцать с лишним лет. Гиларий Валерьевич Беляев давно обитает в мире ином, в другой жизни. А я верю, как сказал однажды Арсений Александрович Тарковский:

...На свете смерти нет:
Бессмертны все. Бессмертно все. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

С такой же убежденностью сын поэта, известный кинорежиссер Андрей Тарковский в анкете на вопрос: «Ваша основная черта характера?» — ответил: «Абсолютная вера в бессмертие человеческой души».

За эти годы я много раз видела Гилария Валерьевича во сне. И мне кажется, что он и оттуда, из другой вечной жизни, продолжает помогать мне и поддерживать меня по-отечески, протягивает мне из-за облаков свою добрую сильную руку. И это отзывается во мне моими собственными стихами, которые заканчиваются такими строчками:

...Вот музыки смолкают звуки.
Встает маэстро на поклон...
К нему протягиваю руки,
Внезапно понимаю — сон!

А в жизни было все иначе...
С тех пор прошло немало лет,
Но почему, проснувшись, плачу,
Когда за окнами рассвет?

Но все однажды заканчивается. И рассвет за окнами. И жизнь. И искусство. Но только память продолжает напоминать нам об ушедших людях. А также оставленные нам замечательные, незабываемые стихи...